

Ги де Мопассан

П О Л Н О Е
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ

2

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА • 1958

НА МОРЕ

Анри Сearу.

Недавно в газетах появились следующие строки:

«Булонь-сюр-Мер, 22 января. Нам сообщают:

Наших рыбаков, перенесших уже столько испытаний за последние два года, повергло в ужас и уныние новое страшное бедствие. Рыболовное судно, управляемое его владельцем Жавелем, при входе в гавань было отброшено к западу и разбилось о скалы, вблизи волнореза мола.

Несмотря на все усилия спасательной лодки и на выброшенные канаты, четверо рыбаков и юнга погибли.

Шторм продолжается. Опасаются новых несчастий».

Что это за судовладелец Жавель? Не брат ли однорукого?

Если этот несчастный, унесенный волнами и, быть может, погибший под обломками своего разбитого вдребезги судна, если это тот самый человек, о котором я думаю, то восемнадцать лет тому назад ему пришлось быть очевидцем другой драмы, страшной и простой, какими всегда бывают драмы, разыгрывающиеся на море.

В то время Жавель-старший был хозяином тралера.

Тралер — судно, предназначенное для ловли рыбы сетью. Прочно построенное, годное для всякой погоды,

с круглым дном, беспрестанно подбрасываемое волнами, как пробка, вечно в открытом море, вечно бичуемое резкими солеными ветрами Ламанша, оно без устали рассекает волны, раздув паруса и таща сбоку огромную сеть, которая скребет по дну океана, отрывая и захватывая животных, спящих на скалах, плоских рыб, словно прилипших к песку, тяжелых крабов с крючковатыми лапами, омаров с острыми усами.

При свежем бризе и невысокой волне судно отправляется на ловлю. Его сеть укреплена на длинном деревянном, обитом железом шесте и спускается при помощи двух канатов, скользящих по двум воротам на концах судна. Несясь по ветру и течению, судно тащит за собой этот снаряд, опустошающий и подчищающий морское дно.

На судне Жавеля находились его младший брат, четверо рыбаков и юнга. Судно при чудной, ясной погоде вышло из Булони, чтобы закинуть сеть.

Вскоре, однако, поднялся ветер, и налетевший шквал обратил тралер в бегство. Судно приблизилось было к берегам Англии, но разбушевавшееся море билось о прибрежные скалы, кидалось на сушу, так что не было никакой возможности войти в гавань. Маленькое судно снова вышло в открытое море и вернулось к берегам Франции. Буря продолжалась и не давала возможности подойти к молу; она окружала пеной и грохотом и делала неприступным любое место, где можно было бы причалить.

Судно ушло снова, мчась по гребням волн, подвергаясь качке и тряске, залитое водой, обдаваемое волнами, но, несмотря на это, бодрое, привычное к бурям, которые заставляли его иной раз по пяти — шести дней блуждать между соседними странами, не давая пристать ни к той, ни к другой.

Наконец, пока судно находилось в открытом море, ураган стих, и, хотя волны были еще высоки, хозяин приказал бросить сеть.

Огромная рыболовная снасть была спущена за борт, и двое рыбаков на носу, двое других на корме начали отпускать канаты, державшие ее. Внезапно она коснулась дна, но высокая волна наклонила судно, и Жавель-младший, находившийся на носу и управлявший

спуском сети, покачнулся, а руку его зажало между канатом, на минуту ослабленным из-за толчка, и воротом, по которому он скользил. Жавель сделал отчаянное усилие, стараясь другой рукой приподнять канат, но сеть уже тащилась, и натянутый канат не подавался.

Корчась от боли, он стал звать на помощь. Все сбежались. Его брат оставил руль. Все бросились к канату, сиюсь высвободить придавленную руку. Напрасно! «Надо перерезать канат», — сказал один из матросов и выхватил из кармана острый нож, которым можно было в два удара спасти руку Жавеля-младшего.

Но перерезать канат значило потерять сеть, а сеть стоила денег, больших денег, полторы тысячи франков; она принадлежала Жавелю-старшему, который дорожил своим добром.

В отчаянии он крикнул:

— Нет, не режь, погоди, я попробую держаться к ветру!

Он побежал к рулю и изо всех сил налег на него.

Судно еле повиновалось, парализованное сетью, не дававшей ему идти вперед, и увлекаемое вдобавок силой течения и ветра.

Жавель-младший упал на колени, стиснув зубы, с блуждающим взглядом. Ни слова не вырвалось у него. Брат вернулся, все еще опасаясь, что матрос пустит в дело нож:

— Погоди, погоди, не режь, надо бросить якорь.

Якорь был брошен, вся цепь отдана, затем принялись вертеть ворот, чтобы ослабить канаты, державшие сеть. Они наконец ослабли, и омертвевшая рука в окровавленном шерстяном рукаве была высвобождена.

Жавель-младший, казалось, обезумел. С него сняли куртку и увидели нечто ужасное: мясо превратилось в месиво, из которого ручьями лилась кровь, словно ее выкачивали насосом. Он взглянул на свою руку и прошептал:

— Кончено.

От кровотечения на палубе образовался целый пруд, и один из матросов воскликнул:

— Он изойдет кровью, надо перевязать жилу!

Тогда они взяли бечевку, толстую, темную, просмоленную бечевку, и, перевязав ею руку повыше раны, затянули изо всей силы. Струя крови становилась все меньше и наконец иссякла.

Жавель-младший встал; рука его висела, как плеть. Он взял ее здоровой рукой, приподнял, повернул, потряс. Вся она была изодрана, кости переломаны. Этот кусок тела держался только на мускулах. Жавель-младший глядел на него в мрачном раздумье. Потом он сел на сложенный парус, и товарищи посоветовали ему все время промывать рану водой, чтоб не допустить заражения крови.

Подле него поставили ведро; он поминутно зачерпывал стаканом и поливал ужасную рану тонкой струйкой прозрачной воды.

— Тебе лучше сойти вниз, — сказал ему брат.

Он так и сделал, но через час вернулся обратно, чувствуя себя плохо в одиночестве. К тому же он предпочитал быть на воздухе. Он снова сел на парус и опять начал поливать свою руку водой.

Ловля была удачная. Сотрясаясь в предсмертных судорогах, возле него лежали огромные белобрюхие рыбы; он смотрел на них, не переставая смачивать свою израненную плоть.

Когда подходили к Булони, налетел новый порыв ветра, и суденышко снова бешено понеслось, прыгая, кувыряясь и тряся несчастного раненого.

Настала ночь. Шторм свирепствовал до зари. На восходе солнца они вновь увидели берег Англии, но море стало спокойнее, и судно, лавируя, отплыло к Франции.

Вечером Жавель-младший позвал товарищей и показал им черные пятна — отвратительные признаки гниения на той части руки, которая едва держалась.

Матросы разглядывали их и высказывали свои предположения.

— Быть может, антонов огонь, — говорил один.

— Надо бы полить ее соленой водой, — посоветовал другой.

Принесли морской воды и полили рану. Раненый

помертвел, заскрежетал зубами, передернулся, но не вскрикнул.

Когда жгучая боль несколько стихла, он сказал брату:

— Дай мне твой нож.

Брат протянул ему нож.

— Подержи-ка мне руку на весу, прямо, тяни кверху.

Сделали, как он просил.

Тогда он сам начал резать. Он резал медленно, обдуманно, отсекая последние сухожилия острым, как бритва, ножом; вскоре от руки остался только обрубок. Несчастный глубоко вздохнул и сказал:

— Так надо было. Рука все равно пропала.

Он, по-видимому, почувствовал облегчение, стал глубже дышать. И снова начал лить воду на обрубок, оставшийся вместо руки.

Ночь выдалась бурная, и к берегу все еще нельзя было пристать.

Когда рассвело, Жавель-младший взял свою отрезанную руку и долго разглядывал ее. Гниение обозначалось явственно. Товарищи тоже подошли посмотреть, передавали ее друг другу, щупали, поворачивали, нюхали.

Брат сказал:

— Теперь надо бросить ее в море.

Но Жавель-младший рассердился:

— Ну, нет! Ну, нет! Не хочу. Это уж мое дело, не правда ли, раз рука моя.

Он взял ее и положил между ног.

— Она же будет гнить, — заметил старший.

Тогда раненому пришла в голову новая мысль. Когда рыбаки остаются подолгу на море, они кладут рыбу в бочки с солью, чтобы предохранить от порчи.

Он спросил:

— Не положить ли ее в рассол?

— Правильно, — поддержали другие.

Опростили один из бочонков, уже наполненный уловом последних дней, и на самое дно его положили руку. Поверх нее насыпали соли, затем одну за другой водворили туда и рыбу.

Кто-то из матросов пошутил:

— Не продать бы только нам ее с торгов.

Все рассмеялись, кроме двух братьев.

Ветер бушевал по-прежнему. Пришлось лавировать в виду Булони до десяти часов следующего дня. Раненый не переставал поливать рану водой.

Время от времени он вставал и прохаживался взад и вперед по палубе.

Его брат, стоявший на руле, следил за ним взглядом и покачивал головой.

Наконец судно вошло в гавань.

Доктор осмотрел рану и нашел ее в хорошем состоянии. Он сделал перевязку и предписал покой. Но Жавель-младший не хотел ложиться, не взяв своей руки, и поспешил в гавань, чтобы отыскать бочонок, который он отметил крестом.

Бочонок опорожнили в его присутствии, и он схватил свою руку, хорошо сохранившуюся в рассоле,— посвежевшую, слегка сморщенную. Он завернул ее в салфетку, принесенную для этой цели, и вернулся домой.

Жена и дети долго разглядывали отцовскую руку, ощупывали пальцы, счищали крупинки соли, оставшиеся под ногтями; затем призвали столяра, и он снял мерку, чтобы изготовить маленький гробик.

На другое утро весь экипаж тралера в полном составе присутствовал на похоронах отрезанной руки. Братья шли рядом во главе траурной процессии. Приходский пономарь под мышкой нес гробик.

Жавель-младший перестал выходить в море. Он получил скромное местечко в гавани и, рассказывая впоследствии о своем несчастье, шепотом говорил слушателю:

— Если бы брат согласился перерезать сеть, то рука у меня была бы еще цела, в этом я уверен. Но уж больно он дорожил своим добром.